

Манфред

Автор:

Джордж Байрон

Манфред

Джордж Гордон Байрон

Драматическая поэма «Манфред» вышла из-под пера великого английского поэта Джорджа Байрона (англ. George Noel Gordon Byron, 1788 – 1824).***

Манфреда мучит чувство вины за какой-то загадочный поступок, совершенный им много лет назад и связанный со смертью его возлюбленной Астарты. В отчаянии он взывает к семи духам, которых он просит помочь ему все забыть... Другими известными произведениями лорда Байрона являются «Двое Фоскари», «Беппо», «Корсар», «Осада Коринфа», «На тему из Горация», «Оскар Альвский», «Каин», «Преображенный урод», «Гяур». Джордж Гордон Байрон считается символом европейского романтизма, «Прометеем нового времени». В творчестве этой загадочной личности пессимизм и мотивы «мировой скорби» удивительным образом сочетаются со свободолобием и революционным духом. Его произведения переведены на многие языки мира и уже несколько веков продолжают покорять сердца читателей.

Джордж Байрон

МАНФРЕД

There are more things in heaven and earth,

Horatio, than are dreamt of in your philosophy.

Shakespeare.[1 - Есть на земле и в небе то, что вашей
Горацио.Шекспир (англ.).]

DRAMATIS PERSONAE.

Манфред.

Охотник за сернами.

Аббат Сан-Мориса.

Мануил.

Герман.

Альпийская фея.

Ариман.

Немезида.

Судьбы.

Духи и т. д.

Место действия в верхних Альпах – частью в замке Манфреда, частью в горах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Манфред один. Сцена – готическая галерея.

Время – полночь.

МАНФРЕД.

Долить пора бы лампу, хоть и полной
ее не хватит мне на бденье;
Дремота, если задремлю, не сон, —
Все та же мысль в ней непрерывно длится,
Я не могу прогнать ее, и в сердце
Есть вечный страж; смыкаются глаза
Чтоб внутрь глядеть, а я дышу
И двигаюсь как существо живое.
Печаль должна наставником быть мудрых;
Познание – скорбь и кто всех больше знает,
Тем горше плакать должен, убедившись,
Что древо знания – не древо жизни.
Философов, науку, волшебство,
Премудрость мира я успел изведать,
Умом своим я все могу усвоить,
Но пользы нет: добро я делал людям
И даже между них с добром встречался,
Но пользы нет: врагов имел я много
И устоял, а сколько их погибло!
Но пользы нет: добро и зло, и жизнь,

Власть, страсти – все, что есть в других —

Все было для меня как дождь в пустыне

С той роковой минуты. Нет уж больше

Боязни. Надо мной лежит проклятье:

В природе всей не ведать больше страха,

Не трепетать ни от надежд, ни от желаний

И на земле не знать уже любви.

Но к делу!

– Вы, таинственные силы!

Вы, духи безграничности вселенной!

Я вас искал во мраке и в сиянье —

Со всех сторон вы охватили землю

И носитесь тончайшею стихией.

Для вас шатры – вершины снеговые,

Вы движетесь в морях и под землю —

Я вас зову могучим заклинанием,

Которому послушны вы – явитесь!

(Молчание).

Их нет еще. – Так голосом того,

Кто первый среди вас, и этим знаком,

Пред коим вы трепещете, и правом

Бессмертного – явитесь! Слушайте – явитесь!

(Молчание).

О, если так, земли и неба духи,
Вам от меня не ускользнуть: и силой
Глубокою – всевластным заклинаньем,
Рожденным на звезде давно погибшей,
Теперь пылающем обломке мира
Разбитого, блуждающего ада

И тем проклятием, что на душе моей,[2 - Ср. «Чайльд-Гарольд», п. I, строфа 83
(наст. изд. т. I, стр. 44):Гарольд, скорбя, не ведал упоенья:Проклятье Каина он на
челе носил.]

Той мыслью, что во мне и надо мной,

Я заклинаю вас: ко мне! – явитесь![3 - «Заклинание» было впервые напечатано
вместе с «Шильонским Узником», в 1816 г., с примечанием: «Это стихотворение
составляло хор в ненапечатанной волшебной драме» начатой несколько лет
тому назад». Высказываемое различными комментаторами предположение, что
строфы этого заклинания направлены против леди Байрон, подтверждается
близким сходством некоторых из этих строк с заключительной частью «Очерка»
(см. наст. изд. т. I, стр. 466-7).]

(В темном конце галереи показывается звезда и останавливается, слышится
голос, который поет).

ПЕРВЫЙ ДУХ.

Смертный, здесь я. На твой зов

Я примчался с облаков,

Из чертогов золотых,

Ярким солнцем залитых;

Отразился в них закат —

И синеют, и горят.

Хоть не прав ты может быть,

Я готов тебе служить.

Я пришел в лучах зари —

Что же надо? Говори.

ГОЛОС ВТОРОГО ДУХА.

Мон-Блан в короне из снегов

Есть царь седых вершин,

Окутан ризой облаков

Стоит как властелин.

На нем повисли льды лавин,

Но умолкает гром

Среди трепещущих долин

При голосе моем.

Когда ж громады ледников

Сползают день за днем —

Я путь указываю льдов,

Иль задержу на нем.

Мне внемлет снеговой простор,

И под моей стопой

Дрожат громады скал и гор —

Что общего с тобой?

ГОЛОС ТРЕТЬЯГО ДУХА.

Там, где ветер молчит

В глубине голубой,

Где морская змея
Улеглась под водой,
И где кудри свои
Чешет моря краса,
Как степной ураган
Твой призыв ворвался,
Над чертогом моим
Прокатился волной.
Все желанья свои
Духу моря открой.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХ.

Там, где долго пламя
Дремлет под золой,
Где сверкает лава
Огненной рекой,
Где проникли Анды
В глубину земли,
А короной снежной
В небеса ушли, —
Я царю там вечно,
Но услышал зов —
Жду твоих велений,
Сделать все готов.

ПЯТЫЙ ДУХ.

Я вечный всадник урагана,

Я бури рулевой;

Лечу над бездной океана

Я в туче грозовой.

Я мчался на твое призывье

И видел мощный флот,

Но утра раннего сиянье

Обломков не найдет.

ШЕСТОЙ ДУХ.

Живу лишь ночью, мучусь дня сияньем:

Зачем меня терзал ты заклинаньем?

СЕДЬМОЙ ДУХ.

Я управляю той звездой,

Что правит всей твоей судьбой:

Когда-то чудный, светлый мир,

Она стремилась сквозь эфир,

Неслась вперед свободно, плавно,

В пространстве не было ей равной.

Но час пробил и время наступило

Ей стать блуждающею силой.

ее кровавое сиянье

Стоит угрозой мирозданья;

Небес прорезывая сферы,
Стремясь без цели и без меры,
Несется грозная комета,
Чудовище огня и света!
Ты под лучом ее рожден
И смеешь мне повелевать —
На миг тебе я подчинен,
Но будешь ты мой раб опять.
Но говори, умчусь я скоро,
Пусть этих духов слабый рой
С тобой ведет переговоры —
Ты только прах передо мной.

ВСЕ СЕМЬ ДУХОВ.

Земля, моря и ночь, твоя звезда и горы,
Гроза и воздух здесь мы – все к тебе пришли.
Мы духи их и на твой зов явились скоро —
Что хочешь ты от нас, ты, смертный сын земли?

МАНФРЕД.

Забвения!

ПЕРВЫЙ ДУХ.

Чего? Кого? Зачем?

МАНФРЕД.

Того, что здесь в груди, читайте сами,

Вы знаете, что я сказать не в силах.

ДУХ.

Мы можем дать лишь то, что мы имеем:

Проси от нас господства, власти, царства

Над всей землей или над частью, знака,

Чтоб над стихиями повелевать, которых

Владыки мы – и все от нас получишь.

МАНФРЕД.

Забвенья лишь – самозабвенья

Ужели не добыть в тех тайных царствах,

Которые так щедро вы дарите?

ДУХ.

Оно не в нашем существе и власти;

Но – у тебя есть смерть.

МАНФРЕД.

Забвенья в ней?

ДУХ.

Бессмертны мы и мы не забываем;

Мы вечны и прошедшего для нас,

Как будущего, нет. Вот наш ответ.

МАНФРЕД.

Вы надо мной смеетесь, но та сила,
Что привлекла вас, сделала моими,
Тот дух, та прометеевская искра,
Как молния души моей сверкает
И так же далеко хватает, как и ваша,
И не уступит вам окованная прахом!
Ответьте мне, иль покажу вам, кто я!

ДУХ.

Мы наш ответ тебе уже сказали —
Ты сам ответил.

МАНФРЕД.

Как понять мне вас?

ДУХ.

Когда у нас с тобою та же сущность,
Так мы уже ответили, сказав,
Что смерть для нас совсем не существует.

МАНФРЕД.

Так я из ваших царств вас звал напрасно,
И вы не можете иль не хотите мне помочь.

ДУХ.

Что есть у нас мы предлагаем все,
Подумай и скажи, пока мы здесь —
Власть, сила, царство, дни без счета...

МАНФРЕД.

Проклятие! К чему мне эти дни?
Итак уж тянутся довольно. Прочь!

ДУХ.

Постой, тебе помочь хотели б мы;
Подумай, не найдешь ли дара ты иного,
Который мы могли бы предложить?

МАНФРЕД.

Ни одного. Но нет, нет, погодите —
Хотел бы я увидеть вас, я слышу
Звук голосов и сладкий, и печальный,
Как музыка воды, я вижу
Звезды прекрасной ровное сиянье
И больше ничего... Приблизьтесь, как вы есть,
Один ли, все ли, но в обычных формах.

ДУХ.

У нас нет форм – они в стихиях наших,

Мы им даем начало и значение.

Сам форму выбери – мы в ней предстанем.

МАНФРЕД.

Нет для меня на всей земле

Ни безобразной формы, ни прекрасной.

Пусть тот из вас, кто всех сильнее,

Мне явится в каком угодно виде.

СЕДЬМОЙ ДУХ(являясь в образе прекрасной женщины).

Смотри!

МАНФРЕД.

О, Боже! если это так

И ты не призрак лживый, не безумье,

Я мог бы счастлив быть, тебя обнять

И будем мы опять...

(Образ исчезает).

Разбито сердце.

(Манфред падает без чувств).

Слышится голос, поющий следующее заклинание.

Месяц светится уныло,

Еле дышит ветерок,

Метеоры над могилой,
Над болотом огонек;
Звезды, падая, сверкают,
Совы смехом отвечают,
И не шепчут с высоты
Неподвижные листы.
Но парю я над тобою,
Вея силой неземною.
Спи же, спи глубоким сном, —
Дух не спит во сне твоём;
Не отгонишь ты видений,
Не забудешь всех сомнений;
Дни потянутся чредою,
Буду я везде с тобою:
Ты как саваном обвит,
И туман кругом стоит.
Так отныне до веков
Ты ответишь на мой зов.
Пред тобой пройду незримо,
Но и то, что невидимо
Ты почувешь над собой
Неизбежную судьбой.
И когда в тревоге тайной
Обернешься ты случайно —
Не поверишь ты глазам,

Что меня не видишь там.

Все, чем будешь ты страдать,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Есть на земле и в небе то, что вашей

Не снилось философии, Горацио.

Шекспир (англ.).

2

Ср. «Чайльд-Гарольд», п. I, строфа 83 (наст. изд. т. I, стр. 44):

Гарольд, скорбя, не ведал упоенья:

Проклятье Каина он на челе носил.

«Заклинание» было впервые напечатано вместе с «Шильонским Узником», в 1816 г., с примечанием: «Это стихотворение составляло хор в ненапечатанной волшебной драме» начатой несколько лет тому назад». Высказываемое различными комментаторами предположение, что строфы этого заклинания направлены против леди Байрон, подтверждается близким сходством некоторых из этих строф с заключительной частью «Очерка» (см. наст. изд. т. I, стр. 466-7).

Купить: https://tellnovel.com/bayron_dzhordzh/manfred

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)